

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 5 (128). С. 163–178.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 5 (128), pp. 163–178.

Научная статья

УДК 81'276; 81'374; 81'1.001

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-5-128-13>

<https://elibrary.ru/opbhue>

Социолектный словарь как отражение субстандартной языковой картины мира

Ли́дия Вале́риановна Полу́биченко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

lpolubichenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3462-1812>

Аннотация. Массовое создание с конца прошлого века словарей социальных диалектов (социолектов) русского языка стало мощным стимулом для изучения субстандартных подъязыков, долго считавшихся недостойными исследовательского внимания. Одним из первых фундаментальных словарей субстандартной лексики является «Словарь русского военного жаргона» профессора В. П. Коровушкина, на примере которого (с привлечением ряда других лексикографических изданий) показано, как собранные в социолектных словарях материалы позволяют делать выводы не только чисто лингвистического, но и лингвокультурологического характера, реконструируя языковую картину мира соответствующего социума. Показано, что военный жаргон, тесно взаимодействующий с молодежным и уголовным жаргонами, отличается повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, лингвокреативностью и склонностью к языковой игре, выраженным смеховым началом (юмором, иронией, сарказмом), ориентацией на прецедентные феномены массовой культуры и склонностью к иноязычным заимствованиям. Социолекты являются сегодня востребованным ресурсом для пополнения литературного языка, а их фиксация и описание в специальных словарях позволяют понять взгляды и прочувствовать отношение к жизни, характерные для разных социальных слоев общества, в том числе военнослужащих и молодежи.

Ключевые слова: социолект, социолектный словарь, субстандартная лексикография, субстандартная лексика, подъязык, субстандарт, субкультура, военный жаргон, молодежный сленг, языковая картина мира

Для цитирования: *Полубиченко Л. В.* Социолектный словарь как отражение субстандартной языковой картины мира // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 5 (128). С. 163–178. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-13>; EDN: OPBHUE

**A sociolectal dictionary
as a reflection of the substandard language picture of the world**

Lydia V. Polubichenko

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

lpolubichenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3462-1812>

Abstract. The mass creation of dictionaries of social dialects (sociolects) of the Russian language since the end of the last century has become a powerful stimulus for a study of substandard sublanguages, long considered unworthy of scholarly attention. One of the first fundamental dictionaries of substandard lexicon is Professor V. P. Korovushkin's 'Dictionary of Russian Military Jargon'. Using this dictionary as an example (together with a number of other lexicographic editions), the article demonstrates how the materials collected in sociolectal dictionaries enable the researcher to draw conclusions not only of a purely linguistic, but also of a linguocultural character by reconstructing the language picture of the world of the corresponding social community. It is shown that military jargon, which closely interacts with youth slang and criminal jargon, is characterized by increased emotionality and expressivity, linguistic creativity and tendency to play on words, expressed laughter principle (humour, irony, sarcasm), focus on precedent phenomena of mass culture and predilection for foreign language borrowings. Today, sociolects are a highly demanded resource for replenishing the literary language, and their fixation and description in specialized dictionaries make it possible to understand the views and feel the attitude to life characteristic of different social strata, including the military and youth.

Keywords: sociolect, sociolectal dictionary, substandard lexicography, substandard lexicon, sublanguage, substandard, subculture, military jargon, youth slang, language picture of the world

For citation: Polubichenko L. V. A sociolectal dictionary as a reflection of the substandard language picture of the world. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 5 (128), pp. 163–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-5-128-13>; EDN: OPBHUE

Введение

Словари социальных диалектов относятся к субстандартной лексикографии, так как регистрируют и истолковывают слова и фразеологизмы, принадлежащие к определенному социолекту, под которым понимается исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного этапа форма существования общенародного языка, обладающая своей системой социолингвистических норм второго уровня (субстандартных норм), функционально и понятийно закрепленная за определенным социальным профессионально-корпоративным или антиобщественным социумом и обладающая специфичной просторечной (субстандартной) лексической системой¹.

Субстандартная лексика образует значительный пласт в словарном составе развитых современных языков, включающий в себя вульгаризмы, просторечия, профессионализмы, арготизмы, жаргонизмы, сленгизмы, обценную лексику и ряд других разновидностей стилистически сниженных некодифицированных единиц, отличающихся ярко выраженным лингвопрагматическим потенциалом и экспрессивной

¹ Коровушкин В. П. Теоретические основы контрастивной социолектологии. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2009. С. 230.

окраской. Их разграничение до сих пор представляет собой не вполне решенную в отечественной науке проблему из-за обилия используемых терминов (по большей части заимствованных, так как лексикографирование и изучение субстандартной лексики началось у нас лишь в середине XIX века и надолго прерывалось в советский период, тогда как история, например, англоязычной субстандартной лексикографии ведет отсчет с середины XVI в.¹) и реальной неопределенности различий между обозначаемыми ими близкими явлениями. С одной стороны, единицы субстандартной лексики вполне определенно идентифицируют те противопоставленные литературному языку социальные и профессиональные некодифицированные формы национального языка, к которым принадлежат, однако, с другой стороны, в последние десятилетия отмечается унификация субстандарта, приведшая к образованию так называемого «общего жаргона», состоящего из субстандартных единиц, утративших связь с определенной социальной группой, регулярно встречающихся в языке СМИ и понятных всем, включая образованных носителей литературного языка². Несмотря на тенденцию к унификации, основным назначением социолектов остается «служить средством коммуникации для лиц определенной группы или макрогруппы, объединять их в одну корпорацию, имеющую свои интересы – профессиональные, социально-сословные, возрастные, культурно-эстетические и др.»³

Содержащееся в приведенной цитате указание на неразрывную связь социолекта с культурой соответствующего социума стало общим местом в работах занимающихся этой проблематикой исследователей, что неудивительно, учитывая постепенно утвердившееся в лингвистике к концу прошлого века понимание того, что язык есть зеркало, носитель и орудие культуры, приведшее, в частности, к появлению таких дисциплин, как межкультурная коммуникация и лингвокультурология. В случае социолектов речь, естественно, идет об изучении стоящей за каждым из них субкультуры, под которой в самом общем плане понимается «система норм и ценностей, отличающих культуру определенной группы от общественной культуры»⁴.

Основная часть

Социолект как вербальное выражение субкультуры

Детально вопрос соотношения «социолект – субкультура» рассмотрен в работах профессора Череповецкого государственного университета, создателя научной школы контрастной социолектологии В. П. Коровушкина, которому принадлежит развернутое определение субкультуры как «системы ценностей, традиций, норм и форм

¹ Рябичкина Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск: [б. и.], 2009. С. 7.

² Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. Москва: Азбуковник, 1999. С. IV.

³ Солнышкина М. И., Зиганшина Ч. Р., Гараева Л. М. Социолектология: современное состояние и проблемы // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2014. № 4. С. 129.

⁴ Кудинова Т. А. Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик: [б. и.], 2011. С. 12.

поведения, присущих определенному социуму, представители которого (чаще добровольно, реже вынужденно) отдалены или исключены в разной степени из существующей в данном обществе и в данное время привычной среды обитания, сферы деятельности и образа жизни, из общепринятого социокультурного пространства, самоустранились или вытеснены на обочину окружающего, некомфортного им и часто навязываемого порядка вещей, оторваны от прежнего окружения, где субкультурный социум имеет свой, отличный от традиционного, взгляд на жизнь, ее ценности и свое место в ней, а также свой субкультурный лексикон¹. Он обосновал новое направление лингвистических исследований, получившее двойное название «субкультуролингвистика ⇔ лингвосубкультурология», где выбор конкретного термина зависит от того, что является отправным пунктом исследований – формы существования языков или культурные социумы, а символ «⇔» показывает бинарную целевую разнонаправленность этих взаимосвязанных дисциплин². Среди задач этой новой отрасли языкознания ученый обозначил исследование «субкультурной когниции и концептуализации экстралингвистической действительности, формирования (этно)субкультурной картины (модели) мира, (этно)субкультурной (этно)субязыковой личности»³ и сам немало способствовал выполнению этой задачи, опираясь прежде всего и главным образом на созданный им фундаментальный словарь русского военного жаргона XVIII–XX вв.⁴ Основанные на материалах словаря статьи и докторская диссертация В. П. Коровушкина дают представление об отдельных аспектах языковой картины мира и коллективной культурно-языковой личности российского военнослужащего в диахронии и синхронии, с учетом видов и родов войск. Русско-немецкие связи, например, «оставили весьма заметный языковой след в русском военном социолекте за последние 558 лет в виде немецких лексических заимствований, калек с немецкого и жаргонных инноваций с участием метафоры, метонимии, дисфемизации и языковой игры на базе немецких лингвострановедческих и лингвокультурологических реалий, что ярко характеризует своеобразную лингвокреативность языковой личности русского военнослужащего – солдата и офицера всех видов и родов ВС, курсанта, кадета, военнопленного и корабеля»⁵. По словарным по-

¹ Коровушкин В. П. Основные атрибуты контрастивной субкультуролингвистики / лингвосубкультурологии как нового направления в языкознании // Взаимодействие языков и культур: исследования выпускников и потенциальных участников программ Фулбрайта: материалы докладов IV Международной научной конференции (Череповец, 15–16 апреля 2015 г.). Череповец, 2015. С. 44.

² Коровушкин В. П. О пролегоменах субкультуролингвистики ⇔ лингвосубкультурологии // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции (Челябинск, 20–22 апреля 2016 г.). Т. 2. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 71–72.

³ Там же. С. 73.

⁴ Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 372 с.

⁵ Коровушкин В. П. Немецкий «след» в русском военном социолекте XV–XX вв. (историко-социолингвистический аспект) // Россия и Германия: взаимодействие языков и культур:

метам прослеживается «время появления и бытования социолектизма в терминах столетий, десятилетий, конкретных дат или конкретных войн», а также его локально-территориальная привязанность к определенному театру военных действий¹, что свидетельствует о многочисленных непосредственных контактах двух народов на протяжении веков.

Если под тем же углом зрения присмотреться для сравнения к зарегистрированным в том же словаре лексемам, этимологически связанным уже не с немецким, а с каким-то иным языком, то окажется, что детально разработанная составителем словаря система словарных помет позволяет сделать значимые наблюдения контрастного характера. В случае, например, субстандартной военной лексики, возникшей под влиянием английского языка, обращает на себя внимание, что в количественном отношении она уступает лексике, связанной с немецким языком (как, кстати сказать, и с французским), и время ее появления в основном ограничивается XX в. при наибольшей концентрации во второй его половине, что говорит о не слишком продолжительной истории непосредственных контактов российской армии с англоговорящими народами. Более детальный анализ социолектизмов, соотнесенных в словаре не только с точным временем их появления в военном подязыке, но и с местами локализации конфликтов, в которых участвовали войска России / СССР и англоговорящих стран, показывает, что на протяжении XX века эти конфликты происходили с пугающей регулярностью и в них мы неизменно (за исключением лишь Второй мировой войны, да и то далеко не к полному нашему удовлетворению) оказывались противостоящими сторонами, что не могло не наложить своего отпечатка на отношение наших военнослужащих. Приведем несколько примеров: *кантина* (англ. *canteen* – столовая) – (ист.) военный магазин англо-американских интервентов, 1919, Архангельск; *каман* (англ. *come on* – давай шевелись!) – (ист.) британский или американский интервент, 1919, Север России, особенно Архангельск и Мурманск; *томми* – английский солдат, 1942 по наст. вр.; *рузвельтам* – отсутствие второго фронта на Западе вследствие невыполнения У. Черчиллем и Т. Рузвельтом своих обещаний открыть его, 1941 и сл.; *аэрокобра* (англ. *airacobra* – истребитель США, с которым сражались советские летчики) – (унич.) изменившая жена, «змея», лексикон офицеров ВВС, 1950-е и далее, Корейская война; *собачья свалка* (англ. *dog fight*) – маневренный воздушный бой, особенно между советскими и американскими истребителями, 1959–1975, Вьетнамская война; *зеленый берет* – спецназовец США, 1965–1972 и сл., Северный Вьетнам и мн. др.

Кроме немецкого, французского и английского языков, в корпусе русских военных социолектизмов обнаруживаются следы и других европейских (испанского, итальянского, польского, норвежского, шведского, голландского и др.) и азиатских (турецкого, японского, китайского, вьетнамского, корейского, монгольского и др.) языков, что говорит о широте зарубежных контактов этой страты российского общества на протяжении трех веков.

материалы докладов международной научно-методической конференции. Череповец, 2013. С. 107.

¹ Там же. С. 101.

Взаимообмен и унификация социолектов

Еще одна характерная особенность субстандартной военной лексики состоит в том, что примерно с 1960-х годов значительно активизируется процесс взаимодействия между разными социолектами и их унификации, приводящий к формированию общего жаргона, речь о котором шла выше и который именуется в рассматриваемом словаре «общим сленгом» (помета *ОС*). Приведем несколько типичных примеров.

– *Бенц* – в значении «шум» слово появилось в подъязыке военнослужащих сухопутных войск в период Великой Отечественной войны, в 1950-е вошло в подъязык внутренних войск (военизированной охраны) и тюремно-лагерный жаргон в значении «кутеж, оргия», проникнув к 1980-м в этом значении и в молодежный жаргон (*закатить бенц*), а в 1960-е в значении «строгое внушение, выговор» перешло в общий жаргон.

– *Бзик* – (польск. *bzik* – причуда) – (устар.) цель (жаргоны: воровской, тюремный, военнослужащих НКВД, 1920-е) ⇒ план намеченной кражи (жаргоны: воровской, тюремно-лагерный, военнослужащих МВД, военизированной охраны, 1950–1970-е и далее) ⇒ странность, причуда; слишком сильное увлечение или желание (общий жаргон, 1980–1990-е ⇒ офицерский жаргон Департамента налоговой полиции, 1993 и сл.).

– *Закемарить* – заснуть (воровской и тюремно-лагерный жаргон, 1927 и сл. ⇒ солдатский и общий жаргон, 1960-е по наст. вр.).

– *Заложить* – выдать кого-либо, донести на кого-либо (жаргоны: воровской, тюремно-лагерный, военизированной охраны, 1940-е и далее ⇒ военный жаргон, 1960-е и далее ⇒ общий жаргон, по наст. вр.).

– *В кайф* – приятно, подходяще, в радость (хиппи ⇒ молодежный и солдатский жаргоны, 1970-е ⇒ общий жаргон, по наст. вр.).

– *Кранты* – конец, смерть (военный жаргон, 1950 и сл. ⇒ воровской, тюремно-лагерный и общий жаргоны, по наст. вр.).

– *Мандраж* – испуг, страх (воровской, тюремно-лагерный, военный жаргоны, Великая Отечественная война и далее) ⇒ нервное возбуждение, волнение (жаргон офицеров ВМФ, 1950-е и сл. ⇒ жаргон ВВС, особенно летчиков-испытателей, 1980-е ⇒ общий жаргон, по наст. вр.).

– *Дрейфить* – (мор. «двигаться по течению») – бояться, трусить (жаргоны: матросский, конец XVIII – начало XIX в. и далее ⇒ солдатский, 1-ая мировая война ⇒ Великая Отечественная война ⇒ Афганская война и далее ⇒ общий, по наст. вр.).

– *Вешать лапшу на уши* – лгать, обманывать, врать (жаргоны: воровской, тюремно-лагерный, молодежный, студенческий, солдатский и курсантский, 1960-е и далее ⇒ общий жаргон, по наст. вр.).

Представленный в словаре материал свидетельствует об обмене лексическими единицами между социолектами разных родов войск внутри вооруженных сил, а также с подъязыками других социальных слоев общества – прежде всего, с лексиконами маргинальных криминальных субкультур (воровской, тюремно-лагерный, криминальный, уголовный и прочие жаргоны) и молодежных сообществ (школьный, студенческий, молодежный жаргоны). Нередко результатом расширения сфер упо-

требления военных жаргонизмов становится их переход в категорию общих жаргонизмов с возможной регистрацией в словарях общего языка. Так, из приведенных выше слов и фразеологизмов в словаре А. П. Евгеньевой¹ обнаруживаем *бзик* и *дрейфить* с пометой *прост.* – просторечие, как традиционно было принято обозначать субстандартную лексику, лежащую за пределами литературного русского языка, тогда как в более позднем словаре С. А. Кузнецова² из 9 единиц зарегистрированы уже 8 (*бзик, закемарить, заложить, в кайф, кранты, мандраж, дрейфить, вешать лапшу на уши*) и словарные пометы (*разг.-сниж., разг., жарг.*) больше соответствуют обозначениям, активно используемым лингвистами сегодня (к тому же разговорная лексика большинством из них признается уже частью литературного языка).

Словарные пометы как инструмент воссоздания картины мира

Надо заметить, что задача унификации словарных помет стоит в лексикографии давно, но решается медленно. Однако в русскоязычной субстандартной лексикографии, бурное развитие которой происходит с конца прошлого века, этот вопрос представляется уже достаточно ясным: результаты ряда серьезных исследований в данной области подытожены в докторской диссертации Г. В. Рябичкиной³, предлагающей проработанную систему словарных помет. В словаре военного жаргона В. П. Коровушкина используются (хотя не всегда последовательно и системно) все основные типы считающихся необходимыми помет: грамматические, функционально-стилистические, социально-стилистические, этико-стилистические, ареальные, социально-профессиональные, социально-корпоративные, социально-субкультурные, историко-темпоральные, этимолого-дериватологические, лингвокультурологические⁴, что открывает широкие возможности для воссоздания языковой картины мира носителей данного социолекта, а также для выявления тенденций взаимодействия разных социолектов русского языка, для чего может дополнительно потребоваться привлечение словарей иных социолектов.

Материал военного жаргона представлен в словаре настолько широко и в диахронии (три века), и в синхронии (все виды вооруженных сил, рода войск и службы), что не может не быть местами фрагментарным, но там, где материала достаточно, развернутая система словарных помет позволяет отобрать из общего словника единицы, совпадающие по интересующим исследователя параметров и в совокупности складывающиеся в вербализованный фрагмент картины мира военнослужащих

¹ Евгеньева А. П. Малый академический словарь. Москва: Институт русского языка Академии наук СССР. 1957–1984. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 25.09.2024).

² Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyyj-slovar> (дата обращения: 25.09.2024).

³ Рябичкина Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск: [б. и.], 2009.

⁴ Там же. С. 35–36.

определенного вида вооруженных сил в тот или иной период. Наглядным примером может служить Афганская война (1979–1989), с которой связано появление целого ряда военных жаргонизмов вполне определенной тематики, например: *видеть глюки* – иметь галлюцинации в состоянии наркотического опьянения (офицерский жаргон, 1980-е и далее); *долбиться* – колоться наркотиками (жаргоны: наркоманов ⇒ солдатский, 1979 и сл.); *долбануть косяк* – выкурить сигарету с анашой (жаргоны: наркоманов ⇒ солдатский, 1979 и сл.); *забить косячок* – покурить наркотики, сигарету с наркотиком (солдатский жаргон сухопутных войск, 1979 и сл.); *обдолбиться* (с многочисленными производными) – прийти в состояние сильного наркотического опьянения, накурившись (обычно) анаши или (реже) наглотавшись таблеток (жаргоны: наркоманов ⇒ хиппи, молодежный, воровской, тюремно-лагерный и солдатский, 1970-е ⇒ особенно 1979–1989, Афганская война и сл. ⇒ сухопутные войска, десантно-штурмовой батальон, 1980-90-е и далее); *маяк* – способ курения сигареты с анашой вдвоем (солдатский жаргон сухопутных войск, 1979 и сл.) и целый ряд др. Содержащийся в словаре богатый материал такого рода еще ждет своего исследователя.

Результаты и обсуждение

Обратим внимание на один аспект, до сих пор, кажется, ускользавший от внимания специалистов, но чрезвычайно важный и показательный, а именно: на значительное количество аллюзивных единиц, свидетельствующих о влиянии на субстандартную сферу национального языка массовой культуры – прежде всего, кинофильмов, мультфильмов и телевизионных программ, а также широко известной детской литературы, популярных музыкальных произведений, рекламы, литературных текстов из школьной программы, общеизвестных произведений художников, скульпторов и архитекторов и пр. Например: *доживем до понедельника* – банный день (солдатский жаргон, 1980-е и далее); *живые и мертвые* – солдаты после кросса или марш-броска (солдатский жаргон сухопутных войск, 1980-е и далее); *зигзаг удачи* – добавка к порции (солдатский жаргон, 1980 и сл.); *опасные гастроли* – самовольная отлучка из части (солдатский жаргон, 1980-е и далее); *в гостях у сказки* – (ирон., неодобр., устар.) ТВ программа «Служу Советскому Союзу» (солдатский жаргон, 1991: по одноименной телевизионной программе); *спокойной ночи, малыши* – последняя сигарета, выкуренная перед сном (солдатский жаргон сухопутных войск, Забайкальский военный округ, 1990-е и далее); *горе от ума* – наряд вне очереди (солдатский жаргон ВВС, батальон аэродромного обеспечения, 1993 и сл.); *дворянское гнездо* – (ирон.) канцелярия роты (солдатский жаргон, 1990-е и далее); *десять дней, которые потрясли мир* – отпуск во время срочной службы (солдатский жаргон, 1980 и сл.); *луч света в темном царстве* – (шутл.) телевизор (жаргон курсантов Пушкинского высшего военно-инженерного строительного училища, 1996 и сл.); *мертвые души* – солдаты-«умельцы»: художники, артисты, спортсмены, необходимые командиру в/ч для показухи или выполнения заказов начальства, числились в штате на военных должностях, но не занимались своим прямым делом (офицерский жаргон, 1960-е и далее); *не было бы счастья, да несчастье помогло* – пребывание в госпитале на лечении (солдатский жаргон ВВС, батальон аэродромного обеспечения, 1993 и сл.); *скупой рыцарь* – каптерщик (солдатский жаргон сухопутных войск,

1990–1993 и сл.); *Али-Баба и сорок разбойников* – взвод (солдатский жаргон сухопутных войск, 1990-е и далее); *волк и семеро козлят* – отделение: командир отделения – волк, солдаты – козлята (солдатский жаргон сухопутных войск, особенно госбезопасности и строительных, 1987 и сл.); *спящая красавица* – часовой (солдатский жаргон войск госбезопасности, Москва, 1987 и сл.); *три богатыря* – (шутл.) патруль (солдатский жаргон ВВС, батальон аэродромного обеспечения, Ленинградский военный округ, 1993 и сл.); *бухенвальдский набат* – (ирон.) тревога (солдатский жаргон, 1980-е и далее); *сладкая парочка* – принцип непосредственного огневого контакта, когда после двух выстрелов подразделение необходимо менять положение, чтобы избежать попадания противника (жаргон спецназа ВДВ, 1995 и сл.: фраза из ТВ рекламы Twix) и мн. др.

О широкой, общероссийской известности такого рода кратких прецедентных текстов массовой культуры свидетельствует их использование в разных родах войск и разными категориями военнослужащих, дислоцированных в разных регионах страны, причем использование в совершенно разных значениях. Так, *спящая красавица*, например, кроме приведенного выше значения «часовой» в солдатском жаргоне войск госбезопасности (Москва, 1987 и сл.), имеет еще и значение «курсант на занятиях» в жаргоне курсантов Пушкинского высшего военно-инженерного строительного училища (1996 и сл.), и у этого социолектизма в военном жаргоне есть и другие значения. Еще пример: *карнавальная ночь*, по данным словаря, имеет в солдатском жаргоне два значения: «тревога» (1990-е и далее) и «наряд по кухне» (Тотьма, 1993 и сл.).

В аллюзивных социолектизмах, опирающихся на прецедентные высказывания и тексты, которые являются важной составляющей субкультурной картины мира военнослужащих, особенно ярко проявляются лингвокреативность носителей данного социолекта, их юмористический настрой (пометы *шутл.*, *ирон.*, *насм.*) и характерная для молодежи – которой в комплектуемой по призыву армии немало – склонность к языковой игре. Лингвокреативность и языковая игра характеризуют и использование российскими военнослужащими словообразовательных возможностей языка: в русском военном социолекте обнаружен целый ряд единиц, образованных «с помощью необычных для литературного стандарта деривационных средств и языковой игры» – рифмы и народно-этимологической ремотивации¹, например: *огнемет – рот, макароны по-скотски (по-флотски) – любая плохо приготовленная и малосъедобная пища, собачьи ножки – сошки пулемета, через день на ремень – серия нарядов вне очереди; асей [*англ. I say «послушай»*] – англичанин, Ваня-Маня – финский броненосец «Вейнемайнен», Нюра не ела – мыс Нуураиеми [*фин. niemi 'мыс'*] и т. д.*

Включение в словарь субстандартных антропонимов позволило его составителю в дальнейшем проанализировать социолингвистические и этико-стилистические черты военных прозвищ и кличек, характерных для русской военной субкультуры².

¹ Коровушкин В. П., Чиршева Г. Н. Образования с рифмой и ремотиватные декомпозиции в английском и русском военных социолектах // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. № 14. С. 163.

² Коровушкин В. П. Основные социолингвистические и этико-стилистические черты субстандартных антропонимов в русском военном социолекте XVIII–XXI веков как вербальное

На основе словарных помет этико-стилистическая вариативность субстандартных антропонимов в русском военном социолекте начала XVIII – начала XXI вв. была представлена в виде континуума с дискретной шкалой из 34 позиций от наиболее возвышенной к наиболее сниженной эмоционально-оценочно-экспрессивной коннотации, из которых последние 26 позиций характеризуются нарастающей инвективностью: 1) возвышенно-уважительная экспрессия ⇒ 2) ласкательно-уважительная экспрессия ⇒ 3) ласкательная экспрессия ⇒ 4) уважительно-усилительная экспрессия ⇒ 5) уважительная экспрессия ⇒ 6) уважительно-сочувственная экспрессия ⇒ 7) шутливо-уважительная экспрессия ⇒ 8) шутливая экспрессия ⇒ 9) шутливо-ироническая экспрессия и инвектива ⇒ 10) ироническая экспрессия и инвектива ⇒ ... 31) уничижительная экспрессия и инвектива ⇒ 32) грубо-уничижительная экспрессия и инвектива ⇒ 33) вульгарно-осуждающая экспрессия и инвектива ⇒ 34) вульгарная экспрессия и инвектива¹. Выводы о характере коллективной языковой личности российского военнослужащего и его эмотивно-оценочной картине мира не формулируются прямо, но они напрашиваются, требуя, конечно, дополнительного исследования для прояснения таких вопросов, как: чьи именно прозвища и клички составляют ту или иную категорию и в какое время, в каком контексте и кем именно они употреблялись в речи.

Эта перспективная линия исследований продолжается сегодня и другими лингвистами. Так, например, на материале двухэтапного анонимного анкетирования и прямого интервьюирования курсантов ряда российских военных вузов, проведенных в 2015–2018 и 2022–2023 годах, была выявлена динамика бытования прозвищ как ономастической составляющей языковой личности современного российского военнослужащего и сделаны выводы о «специфике восприятия человека в военной коммуникации, приоритетных характеристиках личности в целом, особенностях ассоциативного мышления»². Через анализ прозвищ как неформальных идентификаторов формирования и бытования языковой личности их носителей показано влияние политических факторов на менталитет военного социума.

Однако анкетирование, интервьюирование, включенное наблюдение и иные способы самостоятельного формирования корпуса материала исследования используются не так часто из-за затрудненного доступа к носителям многих социолектов, но главным образом потому, что с конца прошлого века стремительными темпами развивается отечественная субстандартная лексикография, обеспечивая сбор, систематизацию, фиксацию и первоначальное описание языкового материала. Еще в 2013 году выдающийся российский паремиолог-славист В. М. Мокиенко насчитал около трехсот словарей арго, жаргона, сленга и пр., включив в список все доступные на тот

проявление русской военной субкультуры: социоантропонимический подход // Взаимодействие языков и культур глазами выпускников и потенциальных участников программ Фулбрайта: материалы докладов межрегионал. науч. конф. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2012. С. 32–67.

¹ Там же. С. 64–65.

² Родина Н. А. Динамика прозвищ российских военнослужащих // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 185.

момент издания, независимо от их объема и качества¹, а за прошедшие с тех пор годы этот список, безусловно, еще расширился. Тем не менее, несмотря на достаточно полное, по мнению ученого, лексикографирование и изученность социолектов России, еще остаются нерешенными несколько теоретически и практически важных проблем, первой среди которых названо отсутствие таких словарей, где «описываемый материал систематизируется в виде синонимических рядов или идеографических полей»², что позволило бы «в перспективе представить ономаσιологическую «картину мира», отражаемую русским субстандартом»³. В качестве единственного на тот момент исключения отмечен лишь тематико-идеографический словарь молодежного сленга Т. Г. Никитиной, дающий представление о картине мира молодого поколения через ключевые концепты молодежной культуры⁴. Анализируя сделанное, составитель словаря подчеркивает, что представленные в нем вербальные репрезентации ключевых концептов молодежной культуры позволяют «выявить отличия в концептуализации действительности русским национальным языковым сознанием и субкультурным сознанием молодежи», для которого, например, оказались неактуальными денотативные зоны живой и неживой природы, тогда как номинативная плотность на таких участках молодежной концептосферы, как активный отдых, музыка, наркотики и экстремальный спорт, свидетельствует об особой актуальности обозначаемых субкультурных реалий⁵.

Тот факт, что первопроходцем в области системного лексикографического представления картины мира современного российского субкультурного социума стал словарь не какого-нибудь, а именно молодежного социолекта, отражает очевидную ориентацию всей современной массовой культуры на молодежь и напрямую обусловлен неоднократно высказываемым отечественными лингвистами мнением, что именно «молодежный жаргон во многом стал выполнять функцию современного русского просторечия, пополняя синонимические и экспрессивные ресурсы не только разговорной речи, но и литературного языка (особенно в таких его сферах, как новые массмедиа)»⁶. Соответственно, интерес лексикографов и исследователей субстандартной речи явно смещается в сторону фиксации и изучения именно молодежных социолектов – как отдельно школьников, студентов, курсантов военных училищ, так и молодежи в целом.

Активное взаимодействие молодежного жаргона с другими социолектами хорошо заметно в приведенном выше материале из «Словаря русского военного жаргона» В. П. Коровушкина, где бок о бок с ожидаемыми пометами, указывающими на

¹ Мокиенко В. М. Социолекты в зеркале лексикографии // Вопросы лексикографии. 2013. № 2. С. 76.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 89–90.

⁴ Никитина Т. Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2013. 864 с.

⁵ Никитина Т. Г. Концептосфера молодежной культуры в тематико-идеографическом словаре сленга // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 185.

⁶ Мокиенко В. М. Социолекты в зеркале лексикографии // Вопросы лексикографии. 2013. № 2. С. 85.

принадлежность социолектизма к определенной разновидности военного жаргона (*солд.* – солдатский, *оф.* – офицерский, *арт.* – артиллерийский, *матрос.* – матросский и пр.), нередко встречаются и пометы *молод.* (молодежный), *студ.* (студенческий) и даже *шк.* (школьный). Поскольку широко представленный в словаре военный жаргон можно рассматривать как своеобразный мегасоциолект, включающий, как указано в предисловии, «жаргоны всех видов вооруженных сил – сухопутных войск, военно-морского флота, авиации, противовоздушной обороны, ракетных войск, военно-космических сил, всех родов войск и служб, Генерального штаба, включая ГРУ, военных учебных и научно-исследовательских учреждений, отдельных воинских частей, кораблей и баз, внутренних и пограничных войск, царской жандармерии и полиции, органов госбезопасности, милиции и прокуратуры, жаргоны всех категорий личного состава, включая кадровых военных и гражданских специалистов»¹, нет ничего удивительного, что в тех из перечисленных сфер воинской деятельности, где имеет место, например, служба по призыву, используемую военнослужащими субстандартную лексику можно рассматривать одновременно и как военный, и как молодежный жаргон².

Труднее найти причины того, почему в словаре В. П. Коровушкина многие военные социолектизмы, одновременно отнесенные, как было проиллюстрировано выше, также и к молодежному жаргону, оказываются помечены еще и как арготизмы: *вор.* (воровской жаргон), *тюр.* (тюремный), *тюр.-лаг.* (тюремно-лагерный), *крим.* (криминальный), *уголов.* (уголовный). Но и эти намеченные в словаре «штрихи к портрету» коллективной языковой личности российского военнослужащего (а в некоторых случаях можно сказать, что и российской молодежи) находят свое объяснение в ряде специально посвященных этим вопросам исследований³. Теоретическое осмысление большого и разнообразного социолектного материала, собранного в ряде собственноручно созданных словарей, позволило В. М. Мокиенко констатировать «прямую преемственность современного молодежного жаргона от воровского арга, зафиксированного более 100 лет назад»⁴.

Таким образом, лексика, фиксируемая в социолектном словаре и получающая в нем первичное описание через дефиниции и словарные пометы, может дать отчетливое представление о постоянном влиянии друг на друга и – в конце концов – на литературный язык разных социально и культурно обусловленных разновидностей единого национального языка, вне которого их существование невозможно. Изуче-

¹ Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. С. 5.

² Аюшеев Б. Б. Лексико-семантическая и структурная характеристика солдатских жаргонизмов // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 4. С. 3.

³ Аюшеев Б. Б. Лексико-семантическая и структурная характеристика солдатских жаргонизмов // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 4. С. 1–11; Грачев М.А. Русское арга. Нижний Новгород: НГЛУ, 1997. 245 с. и др.

⁴ Мокиенко В. М. Социолекты в зеркале лексикографии // Вопросы лексикографии. 2013. № 2. С. 88.

ние материалов социолектных словарей «помогает увидеть язык как целое, язык как средство выражения сложной и гетерогенной культуры народа»¹, без учета которой, без постановки изучаемой субстандартной подсистемы общенародного языка в контекст культурологии (или, в терминологии В. П. Коровушкина, «лингвосубкультурологии») многое в данном социолекте остается неясным. Прояснению таких неясных моментов способствует осмысление социокультурного опыта конкретных языковых сообществ, вплетенного в языковую картину мира национального языка, с закрепленной в соответствующих социолектах собственной картиной мира, нагляднее всего представленной в их лексике и фразеологии, фиксируемых социолектными словарями.

Выводы

Рассмотрение ряда фундаментальных социолектных словарей русского языка показывает, что представленный в них языковой материал благодаря хорошо проработанной системе информативных словарных помет не просто знакомит с характерными особенностями субстандартного подязыка определенного субкультурного социума, но и способен дать отчетливое представление о многих аспектах языковой картины мира его представителей. Если судить по количеству регулярно появляющихся в этой сфере словарей и собственно исследовательских научных публикаций, наибольшее внимание лингвистов и культурологов привлекают к себе молодежный и военный жаргоны, между которыми происходит постоянный взаимообмен, «перетекание» языковых средств из одной подсистемы в другую, объясняющее совпадение целого ряда характеристик реконструируемых на основе лексикографических данных языковых картин мира, носителями которых выступают языковые личности типичных представителей военного и молодежного социумов. Среди таких общих характеристик выделяются:

- повышенная эмоциональность и экспрессивность;
- лингвокреативность и склонность к языковой игре;
- смеховое начало – юмор, ирония, сарказм;
- ориентация на массовую культуру, прежде всего, ее детско-юношеский сегмент;
- склонность к заимствованию лексики из уголовного жаргона;
- тяготение к иноязычным заимствованиям.

Сегодня не нуждается в доказательствах неоднократно отмечавшаяся лингвистами важность социолектной лексики как неисчерпаемого источника пополнения литературного языка, что способствует развитию его образности и экспрессивности, а также раздвигает рамки языковой картины мира носителей русского языка. На роль основного субстандарта-донора литературного языка в настоящее время, как известно, выдвинулся молодежный жаргон, а через него в этот процесс вовлекаются и иные субстандарты, с которыми он активно взаимодействует, включая военный социолект, исследователи которого всегда учитывают информацию, содержащуюся в

¹ Ерофеева Т. И. Субкультура в лингвистическом освещении // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 9.

«Словаре русского военного жаргона» профессора В. П. Коровушкина. При этом, кроме чисто лингвистической ценности, этот словарь представляет собой богатейший ресурс для осмысления через субстандартную лексику, функционирующую в среде российских военнослужащих на протяжении нескольких веков, взгляды и отношение к жизни, характерные для этой важнейшей страты общества.

Список источников / References

Аюшеев Б. Б. Лексико-семантическая и структурная характеристика солдатских жаргонизмов. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 2019, № 4, с. 1–11.

Aiusheev B. B. Lexico-semantic and structural characteristics of the soldier's jargon. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2019, no. 4, pp. 1–11. (In Russ.)

Грачев М. А. *Русское арго*. Нижний Новгород: НГЛУ, 1997. 245 с.

Grachev M. A. *Russian argot*. Nizhny Novgorod: NGLU, 1997. 245 p. (In Russ.)

Евгеньева А. П. *Малый академический словарь*. Москва: Институт русского языка Академии наук СССР. 1957–1984. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 25.09.2024).

Evgen'eva A. P. *Little Academic Dictionary*. Moscow: Institut russkogo iazyka Akademii nauk SSSR. 1957–1984. Available at: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/> (accessed: 25.09.2024). (In Russ.)

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. *Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона*. Москва: Азбуковник, 1999. 320 с.

Ermakova O. P., Zemskaja E. A., Rozina R. I. *Words we've all met: The explanatory dictionary of Russian common jargon*. Moscow: Azbukovnik, 1999. 320 p. (In Russ.)

Ерофеева Т. И. Субкультура в лингвистическом освещении. *Социо- и психолингвистические исследования*, 2013, вып. 1, с. 5–10.

Erofeeva T. I. Subculture in linguistic coverage. *Socio- and psycholinguistic studies*, 2013, vol. 1, pp. 5–10. (In Russ.)

Коровушкин В. П. Немецкий «след» в русском военном социолекте XV–XX вв. (историко-социолингвистический аспект). *Россия и Германия: взаимодействие языков и культур: материалы докладов международной научно-методич. конф.* Череповец, 2013, с. 95–108.

Korovushkin V. P. A German 'trace' in the Russian military sociolect of the XV–XX centuries (historical and sociolinguistic aspect). *Russia and Germany: interaction of languages and cultures: Proceedings of the international scientific and methodological conference*. Cherepovets, 2013, pp. 95–108. (In Russ.)

Коровушкин В. П. О пролегоменах субкультуrolингвистики ⇔ лингвосубкультурологии. *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции (Челябинск, 20–22 апреля 2016 г.) Т. 2*. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 71–75.

Korovushkin V. P. On the prolegomena of subcultural linguistics ⇔ linguosubculturalology. *Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects: Proceedings of the VIII Interna-*

tional Scientific Conference (Chelyabinsk, 20–22 April 2016). Vol. 2, Cheliabinsk: Entsiklopediia, 2016, pp. 71–75. (In Russ.)

Коровушкин В. П. Основные атрибуты контрастивной субкультуrolингвистики / лингво-субкультуrolогии как нового направления в языкознании. *Взаимодействие языков и культур: исследования выпускников и потенциальных участников программ Фулбрайта: материалы докладов IV Международной научной конференции*. Череповец, 2015, с. 41–44.

Korovushkin V. P. Main attributes of contrastive subcultural linguistics / linguosubculturology as a new direction in linguistics. *Interaction of languages and cultures: research of graduates and potential participants of Fulbright programmes: Proceedings of the IV International Scientific Conference*. Cherepovets, 2015, pp. 41–44. (In Russ.)

Коровушкин В. П. *Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 372 с.

Korovushkin V. P. *Dictionary of Russian military jargon: non-standard vocabulary and phraseology of the armed forces and paramilitary organisations of the Russian Empire, USSR and Russian Federation of the 18th –20th centuries*. Ekaterinburg: Izdateľ'stvo Ural'skogo universiteta, 2000. 372 p. (In Russ.)

Коровушкин В. П. *Теоретические основы контрастивной социолектологии*. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2009. 246 с.

Korovushkin V. P. *Theoretical foundations of contrastive sociolectology*. Cherepovets: GOU VPO ChGU, 2009. 246 p. (In Russ.)

Коровушкин В. П., Чиршева Г. Н. Образования с рифмой и ремотиватные декомпозиции в английском и русском военных социолектах. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, 2016, № 14, с. 156–165.

Korovushkin V. P., Chirsheva G. N. Formations with rhyme and remotivated decompositions in English and Russian military sociolects. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 2016, no. 14, pp. 156–165. (In Russ.)

Кудинова Т. А. *Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук*. Нальчик: [б. и.], 2011. 45 с.

Kudinova T. A. *Language substandard: sociolinguistic, linguocultural and linguopragmatic aspects of interpretation: Abstract Dr thesis in Philological Sciences*. Nalchik, 2011. 45 p. (In Russ.)

Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения: 25.09.2024).

Kuznetsov S. A. *Big explanatory dictionary of the Russian language*. St Petersburg: Norint, 2000. 1536 p. Available at: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (accessed: 25.09.2024). (In Russ.)

Мокиенко В. М. Социолекты в зеркале лексикографии. *Вопросы лексикографии*, 2013, № 2, с. 76–93.

Mokienko V. M. Sociolects in the mirror of lexicography. *Russian journal of lexicography*, 2013, no. 2, pp. 76–93. (In Russ.)

Никитина Т. Г. *Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2013. 864 с.

Nikitina T. G. *Key concepts of youth culture: a thematic dictionary of slang*. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2013. 864 p. (In Russ.)

Никитина Т. Г. Концептосфера молодежной культуры в тематико-идеографическом словаре сленга. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 2014, № 3 (45), с. 184–185.

Nikitina T. G. The concept sphere of youth culture in the subject-ideographic dictionary of slang. *Problems of history, philology, culture*, 2014, no. 3 (45), pp. 184–185. (In Russ.)

Родина Н. А. Динамика прозвищ российских военнослужащих. *Вестник Костромского государственного университета*, 2024, т. 30, № 1, с. 185–192.

Rodina N. A. Dynamics of Russian servicemen's nicknames. *Bulletin of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 1, pp. 185–192. (In Russ.)

Рябичкина Г. В. *Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук*. Пятигорск: [б. и.], 2009. 42 с.

Riabichkina G. V. *Problems of substandard lexicography of the English and Russian languages: theoretical and applied aspects: Abstract Dr thesis in Philological Sciences*. Pyatigorsk, 2009. 42 p. (In Russ.)

Солнышкина М. И., Зиганшина Ч. Р., Гараева Л. М. Социолектология: современное состояние и проблемы. *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*, 2014, № 4, с. 125–134.

Solnyshkina M. I., Ziganshina Ch. R., Garaeva L. M. Sociolectology: current state and problems. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2014, no. 4, pp. 125–134. (In Russ.)

Сведения об авторе

Лидия Валериановна Полубиченко – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-3462-1812>, lpolubichenko@mail.ru, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (д. 1, Ленинские горы, 119991 Москва, Россия); **Lydia V. Polubichenko** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-3462-1812>, lpolubichenko@mail.ru, Lomonosov Moscow State University (GSP-1, Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 06.11.2024; принята к публикации 20.11.2024.

The article was submitted 21.10.2024; Approved after reviewing 06.11.2024; Accepted for publication 20.11.2024.